

DOI: 10.31857/S086919080018634-4

О «ГОСПОДСТВУЮЩЕМ ЭТНОКЛАССЕ» В ЕГИПТЕ В ГОДЫ ПЕРВОГО ПЕРСИДСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

© 2022

Д.А. ИЗОСИМОВ ^а

^а – Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4335-1487; DenLore@yandex.ru

Резюме: В статье рассматривается концепция П. Бриана о существовании «господствующего этнокласса» на территории Египта в годы Первого персидского владычества (526–404 гг. до н.э.). Согласно этой концепции, главные административные должности в Египте были отданы персидским чиновникам, составившим замкнутую и культурно обособленную от египтян группу; египетская элита допускалась к управлению страной только в религиозной и финансовых сферах. Хотя ряд отдельных наблюдений французского ученого получили развитие в трудах последующих исследователей, основные положения концепции «господствующего этнокласса» подверглись критике. В первую очередь пересмотр положения о культурном обособлении персидского «этнокласса» в Египте стал необходим в связи с новыми археологическими открытиями.

В статье дается критическая оценка применимости концепции «господствующего этнокласса» к материалу ахеменидского Египта в связи с недостаточной полнотой исторических источников и отсутствием информации по определенным аспектам социально-административного устройства египетского общества эпохи Первого персидского владычества. При анализе памятников, свидетельствующих об аккультурации персов в данный период, автор обращает внимание на то, что далеко не все из них отображают ситуацию первых десятилетий эпохи правления Ахеменидов в Египте. Кроме того, исходя из определения состава «господствующего этнокласса», данного П. Брианом, не во всех случаях можно с полной уверенностью говорить об априорной принадлежности всех персов к правящей прослойке Египта. При рассмотрении вопроса об участии египетской элиты в управлении страной и в «господствующем этноклассе» следует также обратить внимание на то, что выводы П. Бриана и Д. Агю-Лабордера были сделаны на основе сведений из демотических и арамейских источников. Однако информация из иероглифических надписей данного периода содержит сведения, которые позволяют говорить о допуске представителей египетской элиты в «господствующий этнокласс».

Ключевые слова: «господствующий этнокласс», Египет, египтология, Первое персидское владычество, египетская элита, держава Ахеменидов.

Для цитирования: Изосимов Д.А. О «господствующем этноклассе» в годы Первого персидского владычества. *Восток (Oriens)*. 2022. № 4. С. 43–54. DOI: 10.31857/S086919080018634-4

ON THE “DOMINANT ETHNO-CLASS”
IN THE FIRST PERSIAN PERIOD EGYPT

© 2022

Denis A. IZOSIMOV ^a^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4335-1487; DenLore@yandex.ru

Abstract. *The following article analyzes P. Briant’s concept of the “dominant ethno-class” in Egypt during the First Persian Domination. According to P. Briant, the main administrative positions were held by Persian officials, who constituted a closed and culturally isolated from the Egyptians group, while the Egyptian officials were only allowed into religious and financial spheres of administration. Though some ideas of P. Briant were developed by subsequent scholars, the basis of his concept was criticized, especially the thesis of cultural isolation of Persians in Egypt. The article presents a critical evaluation of the concept forwarded by P. Briant as applied to Achaemenid Egypt. Major difficulties with applying P. Briant’s to the Egyptian evidence are due to the insufficiency of historical sources and data on some aspects of social-administrative life in Egypt during the First Persian Domination. The author draws attention to the fact that some cases of Persian acculturation during this period in fact do not reflect the situation in the first decades of the Achaemenid rule in Egypt. Moreover, the definition of the “dominant ethno-class” does not allow including all Persians present in Egypt at the time into this specific strata. In addition, author points out that the conclusions of P. Briant and D. Agut-Labordère were made on the basis of data acquired from Demotic and Aramaic sources. However, the information from the hieroglyphic inscriptions of this period provides us with data that allows to speak about the inclusion of some of the Egyptian officials into the Persian “dominant ethno-class”.*

Keywords: dominant ethno-class, Egypt, egyptology, First Persian Domination, egyptian elite, Achaemenid Empire.

For citation: Izosimov D.A. On the “Dominant Ethno-class” in the First Persian Period Egypt. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 43–54. DOI: 10.31857/S086919080018634-4

При обращении к научной литературе по Египту эпохи Первого персидского владычества (526¹–404 гг. до н.э.) можно заметить, что основное внимание исследователей-египтологов посвящено в первую очередь изучению частных проблем данного периода. Так, учеными подробно рассматривались отдельные эпизоды политической истории [Kienitz, 1953; Ruzicka, 2012], проблемы восприятия персидских царей в качестве правителей Египта самими египтянами [Rössler-Köhler, 1991; Wasmuth, 2017(1)], а также сюжеты, раскрывающие темы функционирования и изменений в египетской администрации при персах [Menu, 1995; Sternberg el-Hotabi, 2000; Vittmann, 2009; Agut-Labordère, 2017; Schütze, 2019], взаимодействия египтян с иноземцами [Salmon, 1985; Devauchelle, 1995; Johnson, 1999; Vittmann, 2003; Sternberg el-Hotabi, 2016] и др. При этом обобщающие труды по эпохе Первого персидского владычества по своему содержанию в основном описательны, и ситуация в Египте данного периода (в частности, устройство и функционирование административного аппарата) рассматривается без общего теоретического осмысления [Bresciani, 1958; 1985; Lloyd, 1983; Perdu, 2010]. Одна из немногих попыток проанализировать социальные отношения и административное устройство в Египте при персах на основе

¹ О датировке египетского похода Камбиза II 526 г. до н.э. см.: [Quack, 2011].

единой методологической концепции была предпринята французским ученым – специалистом по державе Ахеменидов П. Брианом. В статье 1988 г. [Briant, 1988] исследователь рассматривал ситуацию в Египте в контексте разработанной им концепции «господствующего этнокласса».

Основной задачей данной концепции было объяснение структурных и организационных особенностей державы Ахеменидов и возникавших при подобном устройстве государства взаимоотношений между завоевателями и завоеванными. Под термином «господствующий этнокласс» французский ученый понимал особую социальную категорию, принадлежность к которой определялась по этническому принципу и представители которой занимали в державе Ахеменидов наиболее значимые государственные и военные должности – сатрапов, командиров гарнизонов и ряд других. Основу «господствующего этнокласса» составляли представители персидской аристократии, связанные с царем, во-первых, личными отношениями (путем обмена дарами и услугами), во-вторых, общими культурными ценностями и воспитанием. Кроме того, персидский «этнокласс» обладал и другими общими отличительными признаками: 1) его представители занимали руководящие посты в гражданской администрации и командные военные должности на покоренных территориях, в то время как представители местной элиты лишь ограниченно допускались к управлению; 2) «господствующий этнокласс» был культурно обособлен от местного населения (в частности, путем сохранения собственной религии) и не стремился к культурному взаимодействию с местным населением [Briant, 1988, p. 137].

Концепция имела универсальный характер: существование «господствующего этнокласса» и связанные с ним способы организации управления покоренными территориями и взаимодействия с местным населением были одной из особенностей общего устройства персидского государства, которую можно обнаружить во всех регионах этой мировой державы древности. При этом П. Бриан отмечал, что хотя концепция «господствующего этнокласса» и была общим инструментом (рабочей гипотезой) анализа ситуации в различных областях державы Ахеменидов, выводы, сделанные в ходе исследования одного из регионов, нельзя просто механически применять к другим территориям персидской державы [Briant, 1988, p. 138].

Обращаясь к историческому материалу Египта в годы Первого персидского владычества, П. Бриан затрагивает тему взаимоотношений египтян с другими народами, населявшими долину Нила в данную эпоху. В связи с этим ученый рассматривает следующие вопросы: 1) причины и характер египетских восстаний в годы Первого персидского владычества; 2) взаимоотношения между египтянами и иудеями; 3) представления о «персофобии» египтян [Briant, 1988, p. 139–143, 147–154]. Другой важной темой исследования П. Бриана стал анализ административного устройства Египта. На основе арамейских, демотических и иероглифических источников французский ученый приходит к выводу о том, что основные административные и военные должности в Египте были отданы представителям персидского «господствующего этнокласса». При этом представители египетской элиты занимали в основном посты, связанные с религиозной и финансовой сферами жизни страны, и находились в подчинении у персидских сановников [Briant, 1988, p. 160–164]. Отдельно П. Бриан приводит примеры, показывающие культурную обособленность персидского «этнокласса» от египтян [Briant, 1988, p. 166–167].

Следует сказать, что судьба концепции «господствующего этнокласса» в египтологии оказалась неоднозначной. Ряд идей и наблюдений П. Бриана – в частности, об антиперсидских настроениях в египетской среде [Devauchelle, 1995; Wijnma, 2019] и об устройстве египетской администрации в персидское время [Sternberg el-Hotabi, 2000; Agut-Labordère, 2017] – были восприняты другими исследователями и даже получили развитие в более позд-

них работах. Однако в целом концепция «господствующего этнокласса» не вызвала столь же масштабную полемику среди египтологов, как, например, концепция «господствующего общества» среди специалистов по истории державы Селевкидов, которые во многих своих работах анализировали как применимость ее к историческим реалиям эллинистического времени в целом, так и отдельные положения этой концепции². В определенной степени это связано с консервативностью самой египтологии и ее слабой восприимчивостью к идеям, возникшим вне египтологического сообщества³. Кроме того, в связи с новыми археологическими открытиями и вводом в научный оборот новых источников, не рассмотренных П. Брианом в его статье, отдельные положения концепции подверглись критике. Впоследствии французский ученый признавал возможность корректировки своих построений в свете новых исследований [Briant, 2017, p. 7]. В первую очередь это обусловлено необходимостью пересмотра представлений о культурной обособленности персидского «господствующего этнокласса» от египтян. Главным противником данного положения в современной науке является Г.П. Колберн: он выступает против утвердившихся в египтологии представлений и концепций, в основу которых легло предвзятое восприятие эпохи правления Ахеменидов⁴. Ученый полагает, что положение концепции П. Бриана о культурном обособлении персов основано на неполном учете египетских источников Ахеменидского времени [Colburn, 2020(1), p. 28–29]. В поддержку своего утверждения Г.П. Колберн приводит в пример сведения ряда памятников, свидетельствующие о браках между персами и египтянами: демотический папирус Уннефера с указанием имен его родителей, перса и египтянки соответственно; бронзовую статуэтку Аписа из частной коллекции, датируемую 469 г. до н.э., на которой указаны имена посвятившего ее египтянина и его родителей – перса и египтянки [Colburn, 2020(1), p. 29–30]. Наиболее весомым доказательством проявления межкультурного обмена персов и египтян ученый считает стелу Джедхербеса, обнаруженную в 1994 г. в Саккаре [Mathieson et al., 1995]. Важность данного памятника обусловлена не только тем, что в начертанной на нем надписи указаны имена родителей Джедхербеса (перса и египтянки), но и содержанием его изобразительной составляющей. Так, в верхней части стелы представлена сцена пленения усопшего Анубисом, характерная для египетской погребальной иконографии. В нижней части памятника показана (как полагали издатели памятника) сцена принесения жертвы Джедхербесом перед сидящей на троне фигурой, которая одета в персидские одеяния и изображена в стиле, характерном для персидской царской иконографии [Mathieson et al., 1995, p. 30–31]. По мнению Г.П. Колберна, сведения данных памятников позволяют утверждать, что персы в целом не стремились к культурному обособлению от египтян, как это полагал П. Бриан.

Здесь следует сделать одно немаловажное замечание. Хотя в целом мы согласны с мнением о том, что в статье П. Бриана не были учтены все относящиеся к ее теме источники, определенные сомнения вызывает и подбор Г.П. Колберном памятников, приводимых ученым в качестве свидетельств против концепции «господствующего этнокласса». В первую очередь это касается стелы Джедхербеса. В своей недавней статье М. Васмут на основе палеографических особенностей написания имени Джедхербеса и анализа иконографии

² Подробнее со списком литературы см.: [Мель, 2005, с. 73, комм. 2]. К критике идеи о наличии «господствующего этнокласса» в державе Селевкидов: [Балахванцев, 2015; 2017, с. 42–54].

³ В частности, схожая характеристика египтологической науки приводится в работе, анализирующей ее взаимодействие с социальной антропологией [Olabagia, 2020, p. 3–8].

⁴ Подобное неприятие предшествующей научной традиции неслучайно: Г.П. Колберн считает, что на ее формирование сильное влияние оказали предубеждения древнегреческих авторов против персидского правления, так как в течение долгого времени именно их сочинения были основным источником по истории данного периода [Colburn, 2020(1), p. 10–19, 280–281]. Не последнюю роль здесь сыграли идеи ориентализма Э.В. Саида [Saïd, 1978], оказавшие большое влияние на взгляды Г.П. Колберна.

памятника предложила датировать данную погребальную стелу IV в. до н.э. [Wasmuth, 2017(2), S. 113–114, 120]. Исследовательница предполагает, что стела могла быть создана в период *после* владычества персов – либо Первого, либо Второго (343–332 гг. до н.э.) – поскольку включение в изобразительную составляющую *частного* памятника элементов *официальной* персидской иконографии, возможно, было связано с «демократизацией типичных царских элементов», что не могло произойти при сохранении власти персов [Wasmuth, 2017(2), S. 114].

В таком случае возникает вопрос: насколько справедливо считать стелу Джедхербеса примером межкультурного обмена египтян и персов времени Первого персидского владычества? Конечно, данный памятник показывает, что в IV в. до н.э. процесс аккультурации дошел до той степени, когда оказалось возможным заимствовать сцены из персидской иконографии для памятника, созданного для погребения по египетскому образцу. Однако, исходя из предложенной датировки памятника, данная стела принадлежит частному лицу, жившему в период, когда Египет был свободен от господства персов. Соответственно, указанный погребальный памятник никак не может рассматриваться в рамках концепции «господствующего этнокласса», поскольку был создан в период, когда персидского «этно-класса» на территории Египта заведомо не было; иными словами, стела Джедхербеса не передает связанные с ним реалии.

Другие имеющиеся в распоряжении ученых свидетельства межкультурного обмена между персами и египтянами в раннее время не столь «красноречивы», как стела из Саккары, и не могут быть весомым доказательством аккультурации персидского «господствующего этнокласса» в данный период. Как отмечал П. Бриан, ко времени правления Дария I относится пример Арияраты, который в надписях в долине Вади-Хаммамат употребляет и египетское имя Джехо (*dd-hr*) [Posener, 1936, p. 127–128], однако этот случай можно трактовать как практику употребления второго имени для удобства использования местным населением [Briant, 1988, p. 166–167]. Можно также отметить, что схожая практика употребления греческих личных имен по отношению к сановникам негреческого происхождения была распространена также и в среде т.н. господствующего этнокласса государства Селевкидов [Мель, 2005, с. 77–78]. Как отмечал А. Мель, подобная практика может порождать определенные трудности при изучении этнического состава «господствующего общества» в империи Селевкидов, что в свою очередь не позволяет составить полное представление о степени восприятия культуры завоевателей представителями покоренных народов [Мель, 2005, с. 75–77]. Но в отличие от примеров из царства Селевкидов, при анализе просопографии персидского «этно-класса» мы имеем дело не с тем, что представители завоеванного народа принимают личные имена, характерные для завоевателей, а с обратной ситуацией. В данном случае это выражается в использовании египетских личных имен персами, хотя если аналогия с «этноклассом» империи Селевкидов верна, то ожидалось бы обратное. Так или иначе следует помнить, что данные одной лишь ономастики не дают полного представления об этническом составе «господствующего этнокласса».

Рассматривая браки между персами и египтянками, которые упоминает Г.П. Колберн, можно отметить, что при определенном взгляде они необязательно должны служить опровержением тезиса об обособленности «господствующего этнокласса». Согласно определению П. Бриана, которое мы упоминали выше, «господствующий этнокласс» состоял из представителей персидской знати, *близких к царю* и связанных с ним единым воспитанием и системой обмена дарами и услугами. Иначе говоря, французский ученый к «этноклассу» относил не абсолютно всех персов, а лишь довольно четко очерченную прослойку приближенных к царю придворных. В таком случае ожидается, что в свидетельствах представителей «этнокласса» должны быть указания на наличие у них должностей и титулов высшего

ранга или определенной связи с царем. Однако у персов, упомянутых Г.П. Колберном в примерах межэтнических браков, мы не встречаем каких-либо указаний на их должности и титулы. Это не позволяет нам гарантированно отнести носителей данных иранских имен к числу высокопоставленных чиновников из администрации сатрапа. Равным образом у нас нет подобных оснований для того, чтобы отнести всех персидских чиновников Египта к «господствующему этноклассу».

Следует заметить, что решение вопроса о составе персидского «господствующего этнокласса» не может быть достигнуто на одном лишь египетском материале и требует обращения к источникам всей державы Ахеменидов. Строго говоря, целью статьи П. Бриана 1988 г. не было установление состава данной прослойки в Египте – большее значение для ученого имел вопрос о взаимоотношении египтян с персами и с администрацией сатрапа. При этом П. Бриан к числу представителей «этнокласса», судя по рассматриваемым исследователем примерам, относит всех представителей чужеземной администрации в Египте исходя только из самого факта занятия ими должностей.

Затрагивая вопрос об администрации Египта в эпоху Первого персидского владычества, необходимо отметить следующее. При работе с материалом персидского времени одной из основных проблем является вопрос об отнесении определенных источников именно к данному периоду египетской истории. При отсутствии прямого указания на царствование того или иного представителя династии Ахеменидов, датировка источника или памятника, естественно, производится по косвенным признакам. В случае со скульптурой следует сказать, что выделенные еще Б. Ботмером характерные для персидской эпохи черты («персидское одеяние», «персидский жест», опорный столб с завершением трапезиевидной формы, «реализм» скульптурных изображений) [Bothmer, 1960, p. 78–79, 84] не могут служить надежными маркерами для отнесения данных памятников ко времени Первого персидского владычества. В ряде работ было показано, что данные особенности могут проявляться в памятниках как более раннего времени [Bresciani, 1960; Josephson, 1997, p. 11–13], так и последующих эпох. Таким образом, число памятников, которые можно отнести ко времени Первого персидского владычества, ограничивается лишь такими надежно датированными, как наофорные статуи Уджахорреснета, Птаххотепа, Хоруджа, стелы Аписов и др., что существенно ограничивает возможности ученых⁵. Хронологические границы данных памятников определяются периодом между завоеванием Египта Камбизом II и смертью Дария I, т.е. охватывают временной промежуток с 526 г. до н.э. до 486 г. до н.э. В случае со скульптурами важную роль играет также такой фактор, как их назначение. Большинство скульптурных памятников данного времени носят религиозный характер и призваны в первую очередь обеспечить посмертное почитание их владельцев. В связи с этим представленная в автобиографических надписях на статуях информация оказывается «идеализирована» и не в полной мере отображает ситуацию в административной или повседневной жизни египетского общества.

С источниками, написанными на демотическом и арамейском языках, дело обстоит куда лучше. До нашего времени дошел достаточно большой корпус названных источников, затрагивающих повседневную жизнь Египта в годы Первого персидского вла-

⁵ К примеру, в статье Дж. Джозефсона 1997 г. было показано, что ряд памятников, которые датировали временам Саисской династии и Первым персидским владычеством, необходимо относить к более поздним эпохам истории Египта [Josephson, 1997, p. 11–13]. Также можно привести в качестве примера статую Пефи'и из ГМИИ им. А.С. Пушкина (ГМИИ I.1a.4985), которую О.Д. Берлев и С.Е. Ходжаш на основании данных просопографии датировали *приблизительно* началом Первого персидского владычества [Берлев, Ходжаш, 2004, с. 300–309]. Однако данный памятник никогда не привлекался к исследованиям по данному периоду.

дычества [Agut-Labordère, 2017, p. 679–686]. Однако, как показал Д. Агю-Лабордер, в демотическом корпусе текстов существует «белое пятно» в несколько десятилетий между 480-х гг. и 440-х гг. до н.э. При этом важно заметить, что в демотических и арамейских текстах после 440 г. до н.э. мы практически не встречаем каких-либо сведений о египетских чиновниках, в то время как большинство сведений о персидских сановниках мы находим в арамейских документах, датируемых второй половиной эпохи Первого персидского владычества. Французский ученый объяснял это тем, что сферы деятельности египтян и персов (и, соответственно, сферы использования демотического и арамейского языков) были разделены и практически не пересекались [Agut-Labordère, 2017, p. 679–686]. На наш взгляд, можно дать и другое объяснение данного феномена. В период после 486 г. до н.э. на территории Египта произошло несколько восстаний (собственно в 486 г. до н.э., затем восстание Инара в 460–454 гг. до н.э.), которые были подавлены персами. Эти события должны были вызвать реакцию персидских властей и привести к изменениям в политике, которая была направлена на укрепление положения завоевателей в стране: начиная со второй четверти V в. до н.э. администрация сатрапа стремилась к замене египетских чиновников персами во многих сферах управления, в связи с чем число упоминаний персидских должностных лиц в документах должно было увеличиться, а египетских сановников – уменьшиться. Кроме того, наличие «белого пятна» в источниках может объясняться и плохой сохранностью документов в «турбулентное» время 480-х – 440-х гг. до н.э.

Однако как в работе П. Бриана, так и в других обобщающих трудах [Bresciani, 1958; Lloyd, 1983; 1985; Perdu, 2010], эпоха правления Ахеменидов в Египте предстает как некое единое монолитное время, во время которого не произошло коренных изменений в административном устройстве Египта. При этом сведения об администрации и степени вовлеченности египтян в управление страной, по времени относящиеся к началу правления персидских царей, смешиваются с информацией из источников по второй половине Персидской эпохи. На наш взгляд, подобная экстраполяция сведений об одном из ее этапов на другой не позволяет получить динамическую картину изменений как самого административного устройства Египта, так и взаимоотношений персов и египтян⁶.

Говоря о вовлеченности египтян в сферу управления страной и об их принадлежности к «господствующему этноклассу», следует учесть, что, согласно наблюдениям Д. Агю-Лабордера относительно большей части демотических и арамейских источников, основные должности египетских чиновников были связаны с осуществлением храмовой и религиозной деятельности. Таким образом, ученый находит подтверждение мнению П. Бриана об ограниченном участии египтян в персидской администрации; однако вместе с тем он исключает из своего рассмотрения автобиографические надписи вельмож на памятниках религиозного характера, считая, что их сведения не передают реальную картину управления Египтом в персидскую эпоху [Agut-Labordère, 2017, p. 677–678]. Между тем данные надписи являются единственной, причем достаточно обширной, категорией иероглифических источников по этому времени. Кроме того, именно из них мы можем почерпнуть сведения о тех египтянах, которые контактировали непосредственно с персидской администрацией и даже с самим царем.

Именно на основании сведений из данных памятников Г.П. Колберн оспаривает взгляды П. Бриана о том, что персы занимали *все* важные государственные должности в Египте. Ученый указывает, что от времени Первого персидского владычества известны следующие

⁶ Стоит заметить, что подобная неоднородность материала на правление Ахеменидов может проистекать из конкретной ситуации во внешней и внутренней политике.

высокопоставленные чиновники-египтяне: «великий лекарь» (*wr zwnw*)⁷ Уджахорреснет⁸; «начальник дома серебра» (*imy-r pr-hd*)⁹ Птаххотеп¹⁰; «сенти»¹¹ (*snty*) и «начальник полей» (*imy-r 3ht*)¹² Хоруджа¹³; «начальник строительства» (*hrrp k3t*) и «глава войск» (*hrrp mšꜥ*) Хнумибра¹⁴; «начальник войск» (*imy-r mšꜥ*) Яхмос¹⁵. Таким образом, по мнению ученого, не все важные административные должности были закреплены за персидским «этноклассом» и египтяне также допускались к управлению собственной страной.

Тем не менее можно заметить, что указанные Г.П. Колберном примеры египетских сановников (за исключением Хоруджа) рассматриваются и П. Брианом в его статье о «господствующем этноклассе» в Египте [Briant, 1988, p. 162–165], равно как и в его монументальном труде по истории державы Ахеменидов [Briant, 2002, p. 481–483]. Впрочем, в работах французского ученого положение этих египетских сановников при персах трактуется в другом ключе: П. Бриан полагает, что в их полномочия не входило ведение наиболее важных для сатрапии дел. В случае «начальника дома серебра» Птаххотепа ученый сомневается, что данный сановник был ответственен за ведение *всех* финансовых дел Египта (в т.ч., по всей видимости, и за сбор податей – основу экономики державы Ахеменидов), и полагает, что за данную сферу деятельности отвечали все же персидские чиновники.

Однако важно заметить, что в данном случае П. Бриан строит свои рассуждения на экстраполяции более поздних событий на время Первого персидского владычества: в качестве аналогии занятия персами должности по сбору податей ученый приводит пример времени Александра Македонского, когда за сбор податей в Египте отвечал грек Клеомен из Навкратиса [Arr. Anab. III. 5. 4; Briant, 1988, p. 163; Ладынин, 2012]. О должности Хнумибра в качестве «главы войск» П. Бриан считает, что она была связана с его деятельностью по организации экспедиций в каменоломни; вполне возможно, он находился в подчинении у перса Атиявахи, ответственного за добычу камня для сооружения храма в Харге [Briant, 1988, p. 163]. Пример «начальника войск» Яхмоса, по мнению ученого, необходимо рассматривать в связи с устройством им похоронной процессии священного быка Аписа по приказу царя или сатрапа [Briant, 1988, p. 163–164]¹⁶. Таким образом, П. Бриан высказывает мысль о том, что египтяне находились в подчиненном положении по отношению к персам даже в случаях занятия ими «высоких» должностей. Причем в ряде случаев такой вывод, на наш взгляд, делается на основе сведений более позднего времени или же допущений, не подтверждаемых в полной мере самими источниками эпохи Первого персидского владычества. Так, идея о подчинении «начальника строительства» Хнумибра персу Атиявахи основана лишь на факте того, что оба сановника оставили в долине Вади-Хаммамат над-

⁷ В обязанности «великого лекаря» входило не только оказание врачебных услуг самому царю, но и присутствие при нем в качестве личного советника [Agut-Labordère, 2013, p. 972].

⁸ Наиболее известные памятники Уджахорреснета – наофорная статуя, хранящаяся ныне в Ватикане (Vatican № 158) [Posener, 1936, p. 1–26] и шахтовая гробница в Абусире [Bareš, 1999].

⁹ Он отвечал за ведение финансовых дел.

¹⁰ О Птаххотепе и его наофорной статуе (Brooklyn 37.353) см.: [Cooney, 1954; Janseln-Winkeln, 1998].

¹¹ В научной литературе под титулом «сенти» обычно понимается одна из высших финансовых должностей Египта, в сферу ответственности которой входил сбор и подсчет податей с храмовых владений [Yoyotte, 1989].

¹² Чиновник, отвечавший за ведение учета и проведение смотров хозяйственных полей [Yoyotte, 1989].

¹³ Известны наофорная статуя Хоруджа, хранящаяся ныне в Кливленде (Cleveland 1920.1978) [Bothmer, 1960, p. 72–73; Berman, Boháč, 1999, p. 422–423].

¹⁴ Полный список памятников Хнумибра и надписей в долине Вади-Хаммамат см.: [Posener, 1936, p. 88–109].

¹⁵ Известны стелы, посвященные усопшему быку Апису данного вельможи: Louvre № 4017 [Posener, 1936, p. 41–46] и Louvre № 330 [Posener, 1936, p. 46–47].

¹⁶ Однако как отмечал Д. Агю-Лабордер, под *imy-r mšꜥ* не всегда следует понимать должность, связанной с военной деятельностью – данным термином могли обозначаться любые высокопоставленные сановники [Agut-Labordère, 2013, p. 969–970].

писи, датируемые приблизительно одним и тем же временем (последние годы правления Дария I), однако при этом прямых указаний на их связь друг с другом в текстах нет.

Как мы видим из рассмотренных выше примеров, основная проблема при определении степени участия египтян в администрации сатрапа заключается в установлении точного круга обязанностей различных должностных лиц и иерархии подчинения одних постов другим. П. Бриан и Г.П. Колберн стремятся доказать верность собственных построений и используют одни и те же сведения о должностях египетских чиновников, интерпретируя, однако, по-разному их положение в административной системе времени Первого персидского владычества. При этом нередко в основу рассуждений ученых положена экстраполяция событий более позднего времени, что, как уже отмечалось, в ряде случаев приводит к неверному анализу устройства администрации в Египте и искажает представление о взаимоотношениях египтян с персами в данный период.

Подобная ситуация возникает из-за скудности сведений самих источников относительно взаимодействия между египтянами и персами в административных делах: строго говоря, в автобиографических текстах данных памятников эта проблема никак не затрагивается. Однако, как отмечал Д. Агю-Лабордер, и в демотических источниках имена персидских чиновников встречаются достаточно редко, при этом свидетельства о персах полностью отсутствуют в архивах частных лиц [Agut-Labordère, 2017, p. 679–680]. Тем не менее утверждать, как это делал Д. Агю-Лабордер, что все высшие административные должности были отданы персам на основе лишь факта отсутствия о них сведений в большинстве памятников, созданных египтянами, на наш взгляд, не совсем верно. Для подобного утверждения необходимо также определить иерархию подчинения, в которую были вписаны персидские чиновники, и круг обязанностей, за которые они несли ответственность. Это позволило бы определить степень влияния персидской администрации на внутренние дела Египта (естественно, с учетом сказанных выше замечаний о разнице в административном устройстве между первыми и последними десятилетиями эпохи Первого персидского владычества).

Также следует сказать несколько слов о замкнутости «господствующего этнокласса». П. Бриан полагал, что в состав данной прослойки входили лишь представители персидского и других иранского этносов [Briant, 1989, p. 161–162]. Однако особенности оформления (в частности, элементы украшений) наоформных статуй Уджахорреснета и Птаххотепа позволяют допустить, что оба египетских сановника находились в числе приближенных персидских царей и, следовательно, должны были бы рассматриваться как члены «господствующего этнокласса» (или стояли на одной ступени с ними). Подтверждение близости Уджахорреснета к персидскому царю мы находим в таком элементе украшения на его скульптуре, как золотые браслеты, выполненные в персидском стиле и рассматриваемые учеными в качестве царского дара¹⁷ [Colburn, 2020(1), p. 277; 2020(2), p. 68–69]. Вкупе со сведениями из автобиографической надписи Уджахорреснета о его деятельности при Камбизе II (составление царской пятичленной титулатуры по египетскому образцу [Posener, 1936, p. 6, col. 13] и его роли в восстановлении деятельности храма Нейт в Саисе [Posener, 1936, p. 14–15, col. 16–23]) и Дарии I (пребывание вельможи в столичном регионе державы Ахеменидов и восстановление «домов жизни»¹⁸ в Египте по личному поручению царя [Posener, 1936, p. 21–22, col. 44–45]), что вписывается в его благожелательную политику по отношению к Египту) можно сделать вывод об особом положении «великого лекаря»

¹⁷ Об использовании браслетов, гривн и других украшений в качестве символов знатности владельцев и их высшего ранга в персидской иерархии см.: [Балахванцев, 2017, с. 120–121].

¹⁸ Учреждения, отвечавшие за создание и хранение религиозных и научных произведений египтян. Подробнее о «домах жизни» и их функциях: [Gardiner, 1938, p. 176; Коростовцев, 2001, с. 78–109].

при персидских царях и о вхождении его в круг сословия, близкого царю, т.е. по сути в «господствующий этнокласс».

Схожее положение, по всей видимости, занимал и мемфисский вельможа Птаххотеп, время деятельности которого приходится на последние годы правления Дария I. На наофорной статуе Птаххотепа присутствует шейная гривна, выполненная в персидском стиле. Как и в случае с Уджахорреснетом, данное украшение может являться свидетельством царского дара Птаххотепу [Colburn, 2020(1), p. 276–277]. Таким образом, как минимум два представителя египетской элиты, к тому же занимавших высокие должности при чужеземных правителях, могли быть связаны с персидским царем получением от него даров. Хотя не совсем ясно, в какой мере оба эти вельможи влияли на положение дел внутри Египта (в автобиографиях Уджахорреснета и Птаххотепа первоочередное внимание уделяется деятельности обоих чиновников по отношению к храмам, что с учетом характера самих памятников неудивительно), само по себе нахождение двух египетских государственных деятелей среди приближенных к царю, получение даров от правителя державы Ахеменидов и восприятие вельможами «царя царей» как египетского правителя соответствуют тем критериям, которые выдвигал П. Бриан для представителей «господствующего этнокласса».

Таким образом, имеющиеся данные показывают, что существование персидского «господствующего этнокласса» с теми чертами, которые были представлены в первоначальном виде П. Брианом – в качестве замкнутой прослойки персидских чиновников, занимавших высшие административные должности в Египте и при этом близких к царю, – не отражает в полной мере сложившуюся в долине Нила ситуацию и требует ряд уточнений. Эти уточнения должны касаться как тезиса о концентрации власти по всей державе в руках чиновников персидского происхождения, так и представления о «непроницаемости» близкого окружения царя для выходцев из других народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балахванцев А.С. Существовал ли этнокласс в державе Селевкидов? *Восток (Oriens)*. 2015. № 5. С. 12–19 [Balakhvantsev A.S. Did the Etnoclass Exist in the Seleucid Power? *Vostok (Oriens)*. 2015. No. 5. Pp. 12–19 (in Russian)].

Балахванцев А.С. *Политическая история Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *A Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Берлев О.Д., Ходжаш С.И. *Скульптура Древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог*. М.: Восточная литература, 2004 [Berlev O., Hodge S. *Sculpture of Ancient Egypt in the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004 (in Russian)].

Коростовцев М.А. *Писцы древнего Египта*. СПб.: «Нева», Летний сад, 2001 [Korostovtsev M.A. *The Scribes of Ancient Egypt*. St. Petersburg: “Neva”, Letnii sad, 2001 (in Russian)].

Ладынин И.А. К вопросу о характере полномочий и формальном статусе Клеомена из Навкратиса. *Проблемы истории, филологии и культуры*. 2012. Вып. 4. С. 89–100 [Ladynin I.A. Official Status and Personal Powers. *Problems of History, Philology, Culture*. 2012. Vol. 4. Pp. 89–100 (in Russian)].

Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и поданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания. *Antiquitas Aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 73–85 [Mehl A. The Reflections Concerning “The Ruling Society” and the Subjects in the Seleucid Kingdom: Relations and Expectations. *Antiquitas Aeterna*. 2005. Vol. 1. Pp. 73–85 (in Russian)].

Agut-Labordère D. The Saite Period: The Emergence of Mediterranean Power. *Ancient Egyptian Administration*. J.C. Moreno García (ed.). Leiden, Boston: Brill, 2013. Pp. 965–1028.

Agut-Labordère D. Administrating Egypt under the First Persian Period: The Empire as Visible in the Demotic Sources. *Administration of the Achaemenid Empire: Tracing the Imperial Signature*. B. Jacobs, W. Henkelman, M.W. Stolper (eds.). Classica et Orientalia, 17. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2017. Pp. 676–697.

Bareš L. *The Shaft Tomb of Udjahorresnet at Abusir*. Abusir 4. Prague: Karolinum Press, 1999.

Berman L.M., Boháč K.J. *Catalogue of Egyptian Art: The Cleveland Museum of Art*. Cleveland – New York: Cleveland Museum of Art, 1999.

Bothmer B. *Egyptian Sculpture of the Late Period. 700 B.C. to A.D. 100*. Brooklyn: The Brooklyn Museum, 1960.

Bresciani E. La Satrapia d’Egitto. *Studi Classici e Orientali*. 1958. Vol. 7. Pp. 132–188.

Bresciani E. Una statua in «abito persiano» al Museo del Cairo. *Studi Classici e Orientali*. 1960. Vol. 9. Pp. 109–118.

Bresciani E. The Persian Occupation of Egypt. *Cambridge History of Iran. Vol. 2: The Median and Achaemenid Periods*. I. Gershevitch (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 502–528.

Briant P. Ethno-classe dominante et populations soumises dans l’empire achaemenide: Le cas d’Égypte. *Achaemenid History III: Method and Theory*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1988. Pp. 137–173.

Briant P. *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Transl. by P.T. Daniels. Indiana: Eisenbrauns, 2002.

Briant P. *Kings, Countries, Peoples: Selected Studies on the Achaemenid Empire*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017.

Colburn P.H. *The Archaeology of Empire in Achaemenid Egypt*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020(1).

Colburn P.H. Udjahorresnet the Persian: Being an Essay on the Archaeology of Identity. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2020(2). Vol. 26. Pp. 59–74.

Cooney J. The Portrait of an Egyptian Collaborator. *Brooklyn Museum Bulletin*. 1954. Vol. 2. Pp. 1–16.

Devauchelle D. Le sentiment anti-perses chez les anciens Égyptiens. *Transeuphratène*. 1995. Vol. 9. Pp. 67–80.

Gardiner A.H. The House of Life. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1938. Vol. 24. Pp. 157–179.

Janseln-Winkeln K. Drei Denkmäler mit archaisierender Orthographie. *Orientalia*. 1998. Vol. 67. S. 155–172.

Johnson J.H. Ethnic Considerations in Persian Period Egypt. *Gold of Praise: Studies on Ancient Egypt in Honor of Edward F. Wente*. J.A. Larson, E. Teeter (eds.). Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1999. Pp. 211–222.

Josephson J.A. Egyptian Sculpture of the Late Period Revisited. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1997. Vol. 34. Pp. 1–20.

Kienitz F.K. *Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. Bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende*. Berlin: Akademie Verlag, 1953.

Lloyd A.B. The Late Period, 664–323 B.C. *Ancient Egypt. A Social History*. B.G. Trigger, B.J. Kemp, A.B. Lloyd (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Pp. 279–348.

Mathieson I., Bettles E., Davies S., Smith H.S. A Stela of the Persian Period from Saqqara. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1995. Vol. 81. Pp. 23–41.

Menu B. Les carrières des Égyptiens à l’étranger sous les dominations perses: les critères de justification. *Transeuphratène*. 1995. Vol. 9. Pp. 81–90.

Olabarria L. *Kinship and Family in Ancient Egypt: Archaeology and Anthropology in Dialogue*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Perdu O. Saïtes and Persians (664–332). *A companion to Ancient Egypt*. Vol. 1. A.B. Lloyd (ed.). Chichester – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. Pp. 140–158.

Posener G. *La première perse domination en Égypte: Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques*. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1936.

Quack J.F. Zum Datum der persischen Eroberung Ägyptens unter Kambyses. *Journal of Egyptian History*. 2011. Vol. 4. S. 228–246.

Rössler-Köhler U. *Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung*. Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe: Ägypten, 21. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.

Ruzicka S. *Trouble in the West: Egypt and the Persian Empire, 525–332 BCE*. Oxford – New York: Oxford University Press, 2012.

Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.

Salmon P. Les Relations entre la Perse et l'Égypte du VIe au IVe siècle av J.-C. *The Land of Israel: Cross-roads of Civilizations. In Memory of Prof. Y. Yadin and Prof. Ch. Perelman*. E. Lipinski (ed.). Leuven: Peeters, 1985. Pp. 147–168.

Schütze A. All the King's Men: Networks of High Officials in the Late Saite Period. *Egyptian Royal Ideology and Kingship Under Periods Of Foreign Rulers: Case Studies From The First Millennium BC*. J. Budka (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. Pp. 137–148.

Sternberg-el Hotabi H. Politische und sozio-ökonomische Strukturen im perserzeitlichen Ägypten: neue Perspektiven. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 2000. Bd. 127. S. 153–167.

Sternberg-el Hotabi H. *Ägypter und Perser: eine Begegnung zwischen Anpassung und Widerstand*. Archäologie, Inschriften und Denkmäler Altägyptens, 4. Rahden, Westf.: Marie Leidorf, 2016.

Vittmann G. *Ägypten und die Fremden im ersten vorchristlichen Jahrtausend*. Kulturgeschichte der Antiken Welt, 97. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2003.

Vittmann G. Rupture and Continuity: On Priests and Officials in Egypt during the Persian Period. *Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire achéménide*. P. Briant, M. Chauveau (eds.). Paris: De Boccard, 2009. Pp. 89–121.

Wasmuth M. *Ägypto-persische Herrscher- und Herrschaftspräsentation in der Achämenidenzeit. Mit einem Beitrag von Wouter Henkelman*. Oriens et occident: Studien zu antiken Kulturkontakten und ihrem Nachleben, 27. Stuttgart: Franz Steiner, 2017(1).

Wasmuth M. Die Stele des Djedherbes als kulturelles Zeugnis ihrer Zeit. *Archäologischer Anzeiger*. 2017(2). Bd. 1. S. 85–123.

Wijnsma U. “And in the fourth year Egypt rebelled ...”. The Chronology of and Sources for Egypt's Second Revolt (ca. 487–484 BC). *Journal of Ancient History*. 2019. Vol. 7. No. 1. Pp. 32–61.

Yoyotte J. Le nom égyptien du “ministre de l'économie” de Saïs à Méroé. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1989. No. 1. Pp. 73–90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИЗОСИМОВ Денис Александрович – аспирант кафедры истории Древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Denis A. IZOSIMOV, postgraduate, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.